

УДК 101.1:316.3+001:1+316.3

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю. В. ДЕДОЛКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучены типы научной рациональности в классификации, разработанной В. С. Стёпиным, и специфика их проявления в общественности и в исследованиях социального капитала. Охарактеризованы основные тренды общественной динамики и трансформации социального капитала современного общества. Выявлен статус концепции социального капитала в социально-гуманитарном познании постнеклассического этапа развития науки.

Ключевые слова: наука; научная рациональность; социально-гуманитарное познание; общество; социальный капитал.

PROJECTIONS AND PARAMETERS OF SOCIAL CAPITAL

J. V. DEDOLKO^a

^aBelarusian State University, 4 Nezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the types of scientific rationality in V. S. Stepin's classification and their specificity in social science and researches on social capital. The main trends of social dynamics and transformation of contemporary society's social capital were characterised. The goal of the article was to identify the status of the social capital concept on socio-humanitarian knowledge on the post-non-classical stage of scientific development.

Keywords: science; scientific rationality; social-humanitarian knowledge; society; social capital.

Введение

Концепт «социальный капитал» предложен в начале XX в. американским обществоведом Л. Дж. Ханифаном для выявления и описания ресурсного потенциала социальных отношений [1]. Его статья «Сельская школа как общественный центр» была первой работой, в которой с использованием общенаучных эмпирических методов (наблюдение, измерение, сравнение и описание) на основании выявленных эмпирических фактов и зависимостей зафиксирован феномен социального капитала и с применением метода ана-

логии (заимствование экономического понятия «капитал») сформулирован концепт социального капитала. Возвращение к данной концепции и основательная теоретическая работа над ней произошли в зарубежном общественности в 1980-х гг., что было сопряжено с переходом развитых стран на постиндустриальный этап развития и формированием постнеклассического типа научной рациональности. Концепция социального капитала позволяет выявлять и по-новому интерпретировать ресурсный статус ряда общественных

Образец цитирования:

Дедолко ЮВ. Концепция социального капитала в контексте постнеклассической науки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:42–50.
EDN: BDTKEU

For citation:

Dedolko JV. Projections and parameters of social capital. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:42–50. Russian.
EDN: BDTKEU

Автор:

Юлия Владимировна Дедолко – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Julia V. Dedolko, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
dedolko@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>

и культурных феноменов; создавать эффективную систему культурных, социальных и политических институтов, базирующихся на доверии, общественной активности и самоорганизации граждан; реализовывать основные принципы постнеклассической рациональности в обществознании (системный подход, междисциплинарная методология, комплексные исследовательские программы).

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью комплексного исследования социального капитала как важнейшего фактора всестороннего развития общества. Цель статьи – философско-методологическое исследование концепции «социальный капитал», выявление ее статуса в контексте постне-

классического обществознания и обоснование регулятивно-эвристической функции данной концепции. Для достижения цели была поставлена следующая задача: определение специфики обществознания постнеклассического этапа развития науки, сущности концепции «социальный капитал» и ее статуса в современном обществознании. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что в ней обоснованы трансдисциплинарный методологический статус концепции «социальный капитал» в современном социально-гуманитарном познании и ее регулятивно-эвристический потенциал для анализа проблем социально-культурной трансформации современных обществ.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическим базисом являются работы В. С. Стёпина, И. Пригожина и Э. О. Уилсона, посвященные изучению специфики современной науки; труды Л. Дж. Ханифана, сформулировавшего концепт *social capital*; публикации П. Бурдьё, Р. Д. Патнэма, Дж. С. Коулмана, Ф. Фукуямы, разработавших ключевые положения концепции социального капитала. Эмпирической основой данной работы стали социально-антропологические исследования Б. К. Малиновского, М. Мосса, Ш. Зубофф,

Э. Паризера, Р. Макнами, З. Туфекчи и др. Анализ литературы позволил выявить факт недостаточного использования системного подхода и трансдисциплинарной методологии в исследованиях социального капитала. Данным обстоятельством обусловлен выбор методологии исследования, которая характеризуется синтезом философских и общенаучных методов познания с включением методологических принципов системного и трансдисциплинарного подходов.

Результаты и их обсуждение

Согласно В. С. Стёпину критериями разделения этапов развития науки на классику, неклассику и постнеклассику являются следующие характеристики: особенности системной организации изучаемых объектов, специфика средств и операций научной деятельности, а также своеобразие ценностно-целевых ориентаций ученого [2]. В 1950-х гг. с накоплением научных знаний и развитием принципиально новых направлений в науке (системный подход, синергетика, философия и социология науки), а также в результате рефлексии над мировоззренческими основаниями науки и последствиями научных открытий происходит формирование постнеклассической научной рациональности. Изменяются представления об исследуемом объекте: «... представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук. <...> Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках общенаучной картины мира» [2]. В части методологии происходит развитие междисциплинарной ориентации, системного подхода и проблемно ориентированного научного поиска, а также расширение сферы философско-методологической рефлексии. Преодолевается разобщенность между естественными и социально-гуманитарными

науками, сформировавшаяся под влиянием мировоззренческих установок и философской традиции европейской цивилизации от Античности до Нового времени: «Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по преимуществу нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [3, с. 52]. Э. О. Уилсон обосновывал эвристическую перспективность и продуктивность синтеза естественных и социально-гуманитарных наук исходя из анализа развития междисциплинарных исследований на примере биологии, использующей методологический арсенал физики, химии и математики. Подобное взаимодействие происходит в рамках социально-гуманитарного познания в экономике, социологии и психологии [4].

Элементом и одновременно системообразующей осью социально-гуманитарных дисциплин считается человек, исследуемый в различных проявлениях и сферах жизнедеятельности. Более того, «...в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [3, с. 52]. В философии человек, представляя собой сложноорганизованное противоречивое существо, рассматривается как биопсихосоциальный феномен. Результаты исследований

Э. О. Уилсона подтверждают тезис о том, что процессы природной и культурной эволюции гомо сапиенс являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Культура есть результат природной эволюции, но она также обратно влияет на процессы эволюции. В связи с этим жесткая демаркация данных сфер человеческого бытия и его познания в современных реалиях, по мнению автора настоящей статьи, оказывается исчерпавшей себя и некорректной.

Системное изучение биологической основы социального поведения организмов, в том числе людей, в рамках социобиологии может стать связующим звеном между естественными и социально-гуманитарными науками посредством распространения методов, данных популяционной биологии и эволюционной теории на социальную организацию. Социобиология исходит из принципов системности, рассматривая природу, человека и общество как сложные, взаимосвязанные, многоуровневые и саморазвивающиеся системы, а также из принципов глобального эволюционизма, анализируя феномены человеческого бытия как результат синергетического взаимодействия природной и культурной эволюций. Предложенный Э. О. Уилсоном синтез биологии с социальными науками выводит исследования человека и общества на новый (мультидисциплинарный) уровень анализа. Междисциплинарные исследования сферы социокультурного бытия в социально-гуманитарном познании, по словам Э. О. Уилсона, ограничиваются исследованием «второй природы», не учитывающим глубинные эволюционные аспекты. В рамках даже такой перспективной методологии изучается не причина, а следствие, к тому же подобный подход негативно влияет на возможности научного и социального прогнозирования.

Выходя за пределы своей биологической генетической программы, человек создает «вторую природу», искусственную среду обитания. Поскольку и природная, и социальная реальности представляются сложными, открытыми, саморегулирующимися и саморазвивающимися системами, в которые человек включен одновременно, то взаимодействие с ними не является чем-то внешним. Развивая представления о целевой причинности, В. С. Стёпин отмечал, что человек как бы включается в эти системы, видоизменяя каждый раз поле их возможных состояний. Своей деятельностью индивид создает определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, направляющие систему на тот или иной путь развития. В то же время можно рассматривать эти процессы в качестве естественных процессов, которые выражают сущностные особенности природной и социальной систем, развивающихся в рамках единой эволюции. Таким образом, когда человечество своей деятельностью направляет развитие какой-либо системы в определенное русло, то это одновременно и искусственное, и естественное: «Жесткие грани между ними стираются. Искус-

ственное предстает как вариант естественного» [2]. Подобная точка зрения считается особенно актуальной в XXI в., когда научные достижения в прямом смысле стирают грань между естественным и искусственным. В данной ситуации синтез естественных и социально-гуманитарных дисциплин в рамках мультидисциплинарных исследований необходим в первую очередь потому, что человечество подошло к такому рубежу своего развития, перед которым человек оказывается на грани выживания и как биологический вид, и как особый способ бытия в мире. Без понимания истинной природы и целей человечества в ситуации «смерти культуры», экспоненциального роста научных знаний и развития высоких технологий во всех областях человеческой жизнедеятельности люди в очередной раз попадают в ситуацию аномии, характеризующуюся аморфностью системы социальных норм, дезорганизацией традиционных социальных институтов, неопределенностью и нестабильностью социальной среды, дивергенцией между декларируемыми обществом ценностями и возможностью их реализации отдельными индивидами, разрушением единства культуры, вследствие чего реальный жизненный опыт человека перестает соответствовать идеальным общественным нормам.

Современная социокультурная и научно-технологическая ситуация особенно остро ставит перед человечеством вопрос о целях и ценностях: «...многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность» [3]. Анализируя специфику постнеклассического этапа науки, В. С. Стёпин обращался к переосмыслению традиционалистских ценностей восточных культур и выделил три момента, в которых они коррелируют с современной наукой: представления об окружающей среде как об особом живом организме в рамках концепции глобальной экосистемы или биосферы; формирование новых стратегий научной и технологической деятельности, которые подразумевают ответственность и перекликаются с принципом недеяния в процессе освоения сложных развивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками; поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска, особенно при изучении сложных человекообразных систем [2]. Выводы В. С. Стёпина согласуются с позицией Л. ван ден Майзенберга и Далай-ламы XIV, которые утверждали, что основные ценности буддизма, базирующиеся на представлении об изменчивости сущего, взаимозависимости и зависимом возникновении и обуславливающие формирование правильного воззрения и действия, аналогичны методу системной динамики, разработанному Дж. Р. Форрестером и М. Л. Мински [5].

Генезис и специфика социальных отношений, их содержание и форма, взаимосвязь и влияние на дру-

гие сферы человеческого бытия находились в фокусе внимания мыслителей со времен Античности. Представления о существующих и должных формах социального устройства общества, их структуре и способах организации трансформировались с течением истории, изменяясь по мере развития хозяйственной, религиозной, политической и культурной сфер. Демаркация неформальных и формальных норм социального взаимодействия индивидов и групп людей произошла с зарождением юридического права, однако неформальные нормы на протяжении истории человечества сохраняют значимую роль в регуляции общественной жизни, передаваясь через культурную традицию и механизмы социализации.

Социальная проблематика перманентно выступала объектом исследовательского и практического интереса представителей философии. С появлением социально-гуманитарного познания в XIX в. социальная реальность стала объектом специальных научных исследований. В силу того, что сферы общественной жизнедеятельности переплетены, они традиционно рассматривались во взаимосвязи, о чем свидетельствует название одной из первых наук, изучающих социально-экономическую жизнь общества, – политической экономии. Политико-экономические трактаты по стилистике близки к философским, им присуща определенная междисциплинарность и даже системность. В частности, это отражено в представлениях о взаимосвязи и взаимовлиянии хозяйственной жизни и государства, содержащихся в трудах меркантилистов и классиков политико-экономии, а также в поэтапном включении в состав ресурсов или капитала новых структурных элементов, учитывающих воздействие географических факторов и все шире вовлекающих в хозяйственный оборот как внешнюю природную среду, так и внутренние подсистемы (политику, культуру, демографию и др.).

Институционализация социально-гуманитарного познания и формирование самостоятельных дисциплин пришлось на рубеж классического и неклассического этапов науки, что позволило им выработать и развить собственную специфику научной рациональности. Новые науки, опираясь на нормы и критерии классической рациональности, стремились к самостоятельности, постулировали и обосновывали собственные объекты, предметы исследований и соответствующие им методы, с помощью которых разрабатывались теории. Вероятно, эти обстоятельства стали причиной того, что концепт «социальный капитал» Л. Дж. Ханифана, имевший явный междисциплинарный статус и базировавшийся на узкой области эмпирических исследований и практического применения, пропал из фокуса внимания представителей как социологии, так и экономической теории более чем на 80 лет.

В период существования неклассической науки в неоклассической экономике получила развитие концепция человеческого капитала, хотя традиция

включения фактора труда в состав капитала прослеживается в работах А. Смита и достигает развернутого обоснования в произведениях К. Маркса. Объективные предпосылки к развитию данной концепции содержались в самой индустриальной эпохе и интенсифицировались второй промышленной революцией вследствие роста машинного и конвейерного производства, требующего квалифицированной рабочей силы. Эта концепция стала результатом междисциплинарного синтеза, в котором был применен экономический (рациональный) подход к неэкономическим формам поведения людей, являвшимся ранее прерогативой социологии и антропологии.

Кардинальные трансформации западной цивилизации, в которые вошли социально-экономический кризис индустриального периода, третья промышленная (научно-техническая) революция, экспоненциальный прирост научного знания, развитие третичного сектора экономики, непреодоленное и сохраняющееся социально-экономическое неравенство, стимулировали интеллектуальный поиск факторов, объясняющих эмпирическую данность и дополняющих концептуальное обоснование трендов социально-экономической динамики второй половины XX в. Постоянно расширяющееся общественное воспроизводство и успешное включение человеческого фактора в состав капитала интенсифицировали поиск новых типов ресурсов за пределами материальной ресурсной базы.

Интерес к социальному капиталу, ставшему в некотором смысле квинтэссенцией современного обществознания (тончайшей, неуловимой стихией, пронизывающей мир общественного бытия), возродился в постнеклассический период науки. Несмотря на то что в неоклассической экономической теории с начала XX в. развивалась институциональная экономика, в которой изучалось влияние социокультурных факторов на хозяйственную жизнь, первые концептуальные разработки проблемы социального капитала принадлежат социологии. Значительный вклад в реинкарнацию метафорического выражения в форме целостной теоретической концепции социального капитала внесли исследования антропологов, рассматривавших сохранившиеся архаичные и традиционные общества, которые функционировали на иных, отличных от капиталистических принципах социально-хозяйственной жизни. Открыв наличие обмена (дарообмена), базирующегося на других, не целерациональных мотивах, более того символически скрывающих истинную суть обмена под вуалью сложных социальных, культурных, религиозных и магических взаимодействий в архаичных и традиционных обществах, антропологи и социологи обнаружили субстанциальность, темпоральность и актуальность этих взаимодействий. В исследованиях Б. К. Малиновского, М. Мосса, К. Поланьи, П. Бурдьё, Р. Д. Патнэма, Дж. Коулмана и Ф. Фукуямы выявлено, что «тонкий лед» целерациональности, олицетворяющей специфику довольно молодого

в исторической перспективе капиталистического общества и сопутствующего ему типа мышления, скрывает под собой глубинные механизмы символических социальных взаимодействий, формировавшиеся в процессе социокультурного развития, сохранившие актуальность и неявно, как им и положено, функционирующие в современном мире [6–15].

Ключевая для обществознания проблема социальности по-разному трактовалась в различные эпохи, но уже в Античности общество определялось как сложная, развивающаяся, способная к саморегуляции система. В социально-гуманитарных науках системные представления об обществе или социальной реальности всегда сохранялись. То же самое происходило с междисциплинарностью, ставшей характерной чертой неклассического этапа и доминировавшей в постнеклассический период науки. Основоположник концепции социального капитала Л. Дж. Ханифан рассматривал общины как сложноустроенные системы по аналогии с бизнес-предприятиями, используя при анализе междисциплинарный подход и метод перенесения теоретического конструкта из одной дисциплины в другую. Он заимствовал экономическое понятие «капитал» для описания феноменов социальной жизни, обладающих неочевидной, на первый взгляд, продуктивностью и несущих сообществу ощутимую финансовую выгоду. В силу специфики общества как сверхсложной системы в нем, помимо объективных факторов, присутствуют играющие большую роль субъективные факторы, поскольку главным актором является человек, а ведущим типом отношений – субъект-субъектное взаимодействие.

Современное социально-гуманитарное познание трактует общество как сложную систему, функционирующую в единстве ее основных подсистем: экономической, политической, культурной и социальной. В процессе исторического развития общество трансформировалось посредством ряда глобальных технологических революций, кардинально повлиявших на структуру используемых ресурсов и способы производства материальных и нематериальных благ. Переход к новому технологическому укладу включает глобальные изменения институциональных систем управления экономикой, обществом и государством. Каждый этап, переход к которому происходит в результате технологического сдвига, характеризуется определенным преобладающим типом социального взаимодействия. Согласно социально-культурным антропологическим исследованиям Б. К. Малиновского, М. Мосса и П. Бурдьё преобладающим типом взаимодействия в архаичных обществах является символический обмен, а регулятором социально-экономической жизни выступают социальные, культурные, религиозные нормы и неформальные институты, транслирующиеся посредством традиции. Для аграрного традиционного общества характерен ценностно-рациональный тип действия (по Веберу).

Индустриальное капиталистическое общество, сложившееся в результате промышленной революции XV–XIX вв., которая сопровождалась значительными изменениями социальной и политической структур, породило феномены отчуждения, массовизации и индивидуализации, способствовало формированию и распространению целерационального типа действия и появлению в социально-гуманитарном научном познании таких идеальных моделей, как *homo economicus* в классической политэкономии (А. Смит, Дж. С. Милль), актор и агент в социологии и политологии (А. Турен, Т. Парсонс), теория рационального выбора в неоклассической экономической теории и социологии (Г. С. Беккер, Дж. С. Коулман).

Социокультурные трансформации эпохи промышленной революции, коренящиеся в ренессансном гуманизме и антропоцентризме, демаркация государства и гражданского общества и зарождение рыночных отношений обусловили изменение статуса человека во всех сферах жизни и рост исследовательского интереса к нему. Изменения характера труда и динамика техники и технологий в индустриальный период способствовали тому, что человек и имманентно присущие ему атрибуты (здоровье, способность к труду и обучению, накопление опыта) уже в период классической науки трактовались как ресурсы, влияющие на рост производительности и приумножение капитала. Кризис индустриального общества, хронологически совпавший с расцветом неклассической рациональности в науке, ознаменовался разработкой концепции человеческого капитала, ставшей своеобразным окном Овертона в обществознании и выведшей проблему экономических ресурсов на новый уровень.

Теоретические представления о нематериальных формах капитала (человеческого, интеллектуального, социального) и концепции, обосновывавшие эти формы, начали формироваться в период неклассической науки, но пик их развития пришелся на постнеклассический этап, что было связано с кардинальными изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности в середине XX в. Возрождение интереса к концепту «социальный капитал» в социологии происходило в контексте формирования постнеклассической рациональности в период научно-технической революции второй половины XX в., вызвавшей структурные сдвиги в социально-экономической жизни постиндустриального этапа общественного развития. П. Бурдьё, Дж. С. Коулман, Р. Д. Патнэм и Ф. Фукуяма выявили, что на степень и рост благосостояния индивидов и государств влияет не только человеческий фактор или капитал, но и формы социального взаимодействия, закрепленные в культурных нормах и практиках и передаваемые через традиции. Для концепции социального капитала, развивающейся в контексте постнеклассической научной рациональности,

характерны междисциплинарность и практикоориентированность. Общество рассматривается как сверхсложная, саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, в которой роль регуляторов выполняют такие структурные элементы социального капитала, как доверие, нормы и ценности, а сам капитал обеспечивает слаженное функционирование всех подсистем общества на различных уровнях (микро-, макро- и мегауровнях).

В настоящее время достижения научно-технической революции, в частности интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, интегрированы в структуру капиталистической мировой экономики как сложной, саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, что привело к возникновению новых сетевых уровней организации и трансформации общества. Помимо этого, появился новый блок управления общественной системой: крупнейшие информационные сети (*Facebook, Twitter, Pinterest, Google+, Tumblr, Instagram, ВКонтакте* и др.), кроссплатформенные мессенджеры (*WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook Messenger, Skype, ICQ* и др.) и транснациональные корпорации, среди которых в первой десятке по рыночной капитализации на 2023 г. лидируют представители технологического сектора и онлайн-торговли (*Microsoft, Apple, Amazon, Alphabet, Berkshire Hathaway, Meta Platforms* (до 2021 г. называлась *Facebook Inc.*), *Alibaba, Tencent* и др.). Транснациональные корпорации, учитывая степень охвата рынков и современные возможности влияния на аудиторию, способны формировать новые параметры порядка, типы прямых и обратных связей в общественной структуре, а соответственно, трансформировать социальный капитал современных обществ.

В контексте изменения общественного воспроизводства и структуры ресурсов, использования системного подхода и междисциплинарной методологии в науке был расширен спектр коннотаций понятия «капитал», что привело к появлению концепции «социальный капитал». В экономических и социологических исследованиях социального капитала, несмотря на определенные трудности, широко используется метод формализации и построения математических моделей (Р. Д. Патнэм, Р. Бёрт), что характерно для развитых теорий. Помимо этого, в силу укоренения и экстраполяции эволюционных представлений в естественно-научном и социально-гуманитарном познании в исследованиях социального капитала востребовано использование метода исторической реконструкции (П. Бурдьё, Р. Д. Патнэм, Ф. Фукуяма), позволяющего в результате изучения динамики общественного развития выявить его основные тренды и реализовать одну из важнейших функций науки – прогностическую.

Современные достижения естественных наук (например, социобиологии, нейробиологии), которые ка-

саются исследований природы человека и общества, предоставляют данные, позволяющие проникнуть в суть индивидуальной и социальной психологии, и могут быть использованы социально-гуманитарными дисциплинами. Поскольку основные паттерны индивидуального и социального поведения формировались эволюционно, существует необходимость расширения рамок междисциплинарной методологии в направлении мультидисциплинарности и синтеза естественных и социально-гуманитарных наук, а в перспективе (в контексте философского осмысления трендов общественной динамики) и трансдисциплинарного исследования социального капитала.

С развитием информационно-коммуникационных технологий и сетей социальный капитал приобретает не только новые формы и свойства, но и реальную осязаемость в виде числа подписчиков, их индивидуального и совокупного рейтинга, влияя тем самым на способность обладателей данного цифрового социального капитала (так называемых инфлюенсеров) воздействовать на широкие массы людей, управлять их мнением и деятельностью. В связи с этим остро стоит вопрос о прогностических возможностях концепции социального капитала и практико-ориентированной реализации существующих теоретических положений.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами цифрового общества, отмечают, что развитие глобальных информационно-коммуникационных сетей влияет на изменение всех сфер индивидуальной и общественной жизни. Социальный психолог Ш. Зубофф называет социально-экономические трансформации последних десятилетий эпохой надзорного капитализма (*surveillance capitalism*), базирующегося на инструментах, подходах и методах обработки структурированных и неструктурированных данных для дальнейшего их использования в различных целях (*big data*). Эту информацию собирают экосистемы¹ *Apple, Google* и *Microsoft*, а также крупнейшие социальные сети *Facebook, Twitter, Pinterest, Tumblr* и *Instagram* с помощью алгоритмов машинного обучения. Затем они прогнозируют поведение пользователя в сети, что служит основным источником монетизации цифровых транснациональных корпораций и их рыночной капитализации, и способствуют формированию у пользователей «тоннеля реальности» или «цифровой эхо-камеры» [16].

Американский политолог Э. Паризер, анализируя деятельность цифровых экосистем, пришел к выводу о том, что обработанная пользовательская информация используется для создания «пузыря фильтров» или персонифицированной версии сети. Он считает это негативной тенденцией, ведущей к алгоритмизированной самоцензуре пользователей, сужению и догматизации мировоззрения, росту трайбализма и расизма, а также к расцвету конспирологии.

¹Термин «экосистемы» используется для обозначения совокупности сервисов различных цифровых платформ.

Социальные сети зачастую выступают механизмом социального давления, активизируют оппозиционные движения, явления ксенофобии и национализма, способствуя формированию негативного социального капитала [17].

Р. Макнами, один из инвесторов *Facebook*, также критикует систему надзорного капитализма и считает, что компания *Meta Platforms* способствует разрушению либерально-демократических ценностей и активизирует разнообразные формы конфликтов. Сфера влияния у ИТ-корпораций и социальных сетей, в том числе в глобальных политических процессах, значительно больше, чем у традиционных средств массовой информации и государственных институтов. Последствия недооценки данного факта политическими элитами чреваты конфликтом между традиционными правительствами и технологическими либертарианцами. Выводы Р. Макнами подтверждаются исследованиями политического аналитика К. Уайли, участвовавшего в разработках компании *Cambridge Analytica*, использовавшей технологии глубинного анализа инструментов (*big data*) для создания психометрической базы данных пользователей социальных сетей в целях разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в интернете, позволяющей скрыто и эффективно манипулировать электоратом [18].

Американский техносociолог З. Туфекчи, специализирующаяся на исследованиях влияния интернета и социальных сетей на политический активизм и революционные движения («твиттер-революции»), отмечала, что социальные медиа и интернет-технологии позволяют мобилизовать протестные акции и выводить на них десятки тысяч людей, координировать их действия и организовывать противостояние службам государственной внутренней безопасности, а также обеспечивать протестующих агитационной, финансовой и материальной базой. Традиционные методы противостояния таким протестным движениям со стороны правительств, включающие силовую разгон или блокировку доступа к сети, малоэффективны, они негативно влияют как на имидж официальной власти, так и на социально-экономическую систему общества, приводя к финансовым потерям в силу того, что современные бизнес-структуры включены в интернет-технологии. Однако молниеносная, ориентированная на нерелексивный психоэмоциональный отклик мобилизация огромного количества людей позволяет реализовывать только краткосрочные цели в отсутствие долгосрочных стратегий, легитимных лидеров и координаторов, что заведомо приводит к проигрышу [19].

По этим причинам в контексте исследований социального капитала актуализируется проблема сохранения, переосмысления ценностей и норм культурного, политического и социального порядка, а также необходимости включения аксиологических факторов в процесс трансформации гуманистических и экзи-

стенциальных аспектов общественного бытия в разряд ресурсов. В настоящее время социальный капитал, одной из особенностей которого является свойство неосязаемости, что вызывало определенные проблемы с его объективацией, институционализацией и инкорпорированием, переживает период кардинальной трансформации, вызванной четвертой промышленной (информационной) революцией. Цифровые экосистемы, социальные сети и кроссплатформенные мессенджеры позволяют социальному капиталу объективироваться, институализироваться, инкорпорироваться, а также конвертироваться в другие типы капитала путем создания системы социального рейтинга, включающей в себя базы данных экономических транзакций актора, истории его правонарушений, сети фолловеров и др. Как было отмечено ранее, информация (*big data*) о пользователях цифровых экосистем и социальных сетей в США и странах Западной Европы используется транснациональными корпорациями преимущественно в коммерческих целях: для изучения рынка, составления портрета целевой аудитории какого-либо товара или услуги, разработки и продвижения таргетированной рекламы и др. Исследователи отмечают возрастающую роль новых средств коммуникации и информации в разрешении политических вопросов.

Опыт Китая демонстрирует возможности современных технологий в формировании социальной системы нового порядка. Две крупнейшие цифровые экосистемы Китая *Alibaba Group* и *Tencent*, используя данные (*big data*) своей миллиардной аудитории, в 2010 г. создали базис для разработки и внедрения общегосударственной системы социального кредита для учета и оценки репутации людей, компаний и государственных служащих, включающей финансовые, политические, юридические и социальные кредитные рейтинги граждан, биометрические параметры и данные видеонаблюдения в единую комплексную оценку социальной надежности, основанной на доверии как на ключевой национальной ценности. В системе социального кредита снижение доверия в одной сфере влечет падение общего рейтинга. Конечной целью программы является формирование и закрепление определенных поведенческих паттернов у населения в разных сферах (от экологической до политической) путем неявного принуждения и поощрения, когда граждане с высоким рейтингом получают различные экономические и социальные преимущества в виде привилегий и бонусов. Социально-значимыми целями выступают предоставление доступа к финансовой сфере более широким слоям населения и поощрение добросовестных граждан. Сторонники системы отмечают, что она выстраивается на традициях коллективизма и солидаризма, поощряя баллами граждан за социально полезную деятельность и стремление к безопасности и стабильности, а ее ключевая

ценность и цель заключаются в формировании доверия как основополагающего принципа функционирования общества. Таким образом, система социального кредита Китая является примером попытки создания социального капитала нации в трех состояниях (по Бурдье): инкорпорированном (воспитание граждан согласно традиционным китайским ценностям коллективизма, солидаризма, патернализма, поддержа-

ния и соблюдения социальных иерархий и усвоение индивидами норм, способствующих росту уровня доверия и альтруистическому поведению), объективированном (количество баллов в рейтинге и возможность их конвертации в иные материальные и нематериальные блага), институализированном (формирование и маркирование групп согласно рейтингу буквенными обозначениями, цветом и др.) [20].

Заключение

В современных условиях концепция социального капитала фактически имеет трансдисциплинарный статус, поскольку она не только исследуется в контексте научного познания, но и задействуется в разрешении многофакторных проблем развития человека и общества. Трансдисциплинарный статус концепции позволяет синтезировать как достижения естественно-научного и социально-гуманитарного познания в целях проникновения в сущность феноменов социального капитала, так и различные дисциплинарные проблемно ориентированные направления исследований (социологический, экономический, политологический и психологический ракурсы), а также расширить сферу применения меж- и мультидисциплинарной методологии.

В настоящее время наблюдается качественная трансформация сложившейся структурной иерархии элементов сложной, саморазвивающейся и саморегулирующейся социальной системы, появляются новые сетевые уровни организации, порождающие новые уровни и параметры порядка, типы прямых и обратных связей, ведущих к образованию новой целостности, изменению процессов саморегуляции и перестройке блока управления всей социальной системой, что требует вовлечения в круг обсуждаемых проблем социального капитала экспертов как в науке, так и во всех областях жизнедеятельности общества и общественности. Данные изменения,

ставшие следствием четвертой промышленной революции и внедрения технологических инноваций во все сферы жизнедеятельности современных обществ, можно считать определенным фазовым переходом (НБИКС-конвергенцией), сопровождающимся появлением целого спектра направлений развития многоуровневой общественной системы, которая объединяет человека, общество, культуру, технико-технологическую среду и сложные информационно-коммуникационные компьютерные сети. Появление развитой ИТ-сферы и глобальных социальных сетей стало своеобразным аттрактором, ведущим социальную систему в новом направлении развития. ИТ-сфера, как результат информационной революции, породила феномены (социальные сети, способы сбора, обработки и использования данных, возможности манипуляции массовым сознанием), оказывающие обратное воздействие на социальную систему.

Изучение социального капитала в процессе радикальной трансформации социальной реальности в условиях формирования информационного общества неразрывно связано с поиском оптимальной стратегии и возможных направлений преобразования социума, напрямую затрагивающего гуманистические принципы и ценности, что требует комплексного подхода к исследованиям этого капитала с участием специалистов из области философии.

Библиографические ссылки

1. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* [Internet]. 1916 [cited 2018 April 21];67. Available from: http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents.
2. Стёпин ВС. *Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения* [Интернет]. 2009 [процитировано 16 апреля 2023 г.]. Доступно по: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf.
3. Пригожин И. *Философия нестабильности* [Интернет]. 2006 [процитировано 16 апреля 2023 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/articles/875>.
4. Уилсон ЭО. *О природе человека*. Новикова ТО, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 349 с.
5. Далай-лама XIV, ван ден Майзенберг Л. *Путь истинного лидера*. Яцюк Н, переводчик; Дорофеев В, редактор. Москва: Альпина бизнес букс; 2012. 297 с.
6. Малиновский БК. *Избранное: динамика культуры*. Николаев ВГ, Порус ВН, Трубочкин ДВ, переводчики. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 464 с.
7. Мосс М. *Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах* [Интернет]. 2009 [процитировано 19 апреля 2023 г.]. Доступно по: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf.
8. Поланьи К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. Васильев АА, Федоров СЕ, Шурбелев АП, переводчики; Федоров СЕ, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2002. 311 с.
9. Бурдье П. *Практический смысл*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
10. Бурдье П. *Формы капитала*. Добрякова МС, переводчик. *Экономическая социология* [Интернет]. 2002 [процитировано 23 апреля 2014 г.];3(5). Доступно по: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
11. Коулман Дж. *Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность*. 2001;3:122–139.

12. Putnam RD. *Social capital: measurement and consequences* [Internet]. 2010 [cited 2018 April 21]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.
13. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 2018 April 21];6(1). Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.
14. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь*. Травин Д, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 730 с.
15. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 588 с.
16. Зубофф Ш. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Васильев АФ, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2022. 784 с.
17. Паризер Э. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* Шириков А, переводчик. Москва: Альпина бизнес букс; 2012. 304 с.
18. McNamee R. *Before it fixes us ow to fix Facebook* [Internet]. 2018 [cited 2021 August 31]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.
19. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.
20. Дедолко ЮВ. Социальный капитал в системе социального кредитования: опыт КНР. В: Зеленков АИ, редактор. *Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности. Сборник научных статей и материалов XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 7–8 декабря 2021 г., Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 102–110.

References

1. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* [Internet]. 1916 [cited 2018 April 21];67. Available from: http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents.
2. Stepin VS. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for difference] [Internet]. 2009 [cited 2023 April 16]. Available from: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf. Russian.
3. Prigozhin I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. [Internet]. 2006 [cited 2023 April 16]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/875>. Russian.
4. Wilson EO. *O prirode cheloveka* [On human nature]. Novikova TO, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 349 p. Russian.
5. 14th Dalai Lama, van den Meisenberg L. *Put' istinnogo lidera* [The path of a true leader]. Yatsyuk N, translator; Dorofeev V, editor. Moscow: Alpina Business Books; 2012. 297 p. Russian.
6. Malinowski BK. *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Selected: the dynamics of culture]. Nikolaev VG, Porus VN, Trubochkin DV, translators. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 464 p. Russian.
7. Mauss M. *Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshche-stvakh* [Essay on the gift. Form and basis of exchange in archaic societies] [Internet]. 2009 [cited 2023 April 19]. Available from: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf. Russian.
8. Polanyi K. *The great transformation. The political and economic origins of our time*. Vasil'ev AA, Fedorov SE, Shurbelev AP, translators; Fedorov SE, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 311 p. Russian.
9. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical reason]. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Russian.
10. Bourdieu P. [Forms of capital]. Dobryakova MS, translator. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Internet]. 2002 [cited 2014 April 23];3(5). Available from: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf. Russian.
11. Coleman J. [Social and human capital]. *Social sciences and contemporary world*. 2001;3:122–139. Russian.
12. Putnam RD. *Social capital: measurement and consequences* [Internet]. 2010 [cited 2018 April 21]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.
13. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 2018 April 21];6(1). Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.
14. Fukuyama F. *Doверие: sotsial'nye dobrodeteli i put'* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Travin D, translator. Moscow: AST; 2004. 730 p. Russian.
15. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2004. 588 p. Russian.
16. Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power]. Vasil'ev AF, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2022. 784 p. Russian.
17. Pariser E. *Za stenoi fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* [The filter bubble. What the Internet is hiding from you?]. Shirikov A, translator. Moscow: Alpina Business Books; 2012. 304 p. Russian.
18. McNamee R. *Before it fixes us ow to fix Facebook* [Internet]. 2018 [cited 2021 August 31]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.
19. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.
20. Dedolko YuV. [Social capital in the system of social credit: China's experience]. In: Zelenkov AI, editor. *Perspektivy belorussko-kitayskogo dialoga v usloviyakh global'noi nestabil'nostiy. Sbornik nauchnykh statei i materialov XV Mezhdunarodnogo mezhdistsiplinarnogo nauchno-teoreticheskogo seminaru «Innovatsionnye strategii v sovremennoi sotsial'noi filosofii», 7–8 dekabr'ya 2021 g., Minsk, Belarus'* [Prospects for Belarusian-Chinese dialogue in conditions of global instability. Collection of scientific articles and materials of the XV International Interdisciplinary Scientific and Theoretical Seminar «Innovative Strategies in Modern Social Philosophy», 2021 December 7–8, Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 102–110. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2023.
Received by editorial board 12.04.2023.